

Воспоминания

Из Печер на Печору (Из воспоминаний С.К.Сергеева)

В конце апреля 1941 года мы приехали на станцию Печоры, а оттуда пешком двинулись по реке Печоре, вниз по ее течению. Шли четверо суток и прошли 125 километров до Усть-Усинского лесного рейда. Там нам сообщили, что в этих местах мы будем работать до осени. Работа наша состояла в том, что мы должны были перегружать на баржу бревна, которые плотами пригоняли с верховья Печоры. Дальше бревна на баржах спускались по реке Усе до реки Воркута и по ней попадали на шахты города Воркута, вокруг которого леса не было - одна тундра. Баржи тянули пароходы, хотя и медленно, но своей цели они достигали.

В этапе с Печоры до Усть-Усы шло нас человек 30-40. Был с нами молодой человек лет 25-27, сын купца Кармана из Таллина. В один из больших переходов, который был километров 35, он так устал, что почти ползком поднялся на горку в деревню, где нас ожидал ночлег. Там я встретил около проруби одну женщину, которая пришла из деревни за водой. Когда я с ней заговорил, то очень удивился тому, что она прекрасно говорила по-русски, хотя, как известно, там живет народ коми, бывшие зыряне. Оказалось, что она русская, орловская, и попала сюда во время раскулачивания. Из тысячи человек ее этапа до этих мест дошло только триста.

Окончание. Начало в № 16/2002.

Подготовка текста и публикация О.А. Калкина - члена Союза писателей России (г. Псков)

В первые дни работы на Усть-Усе я был в эстонской бригаде, но через неделю меня перевели в русскую бригаду «рубщиков». Работа рубщика заключалась в том, чтобы с помощью нанесенных карандашом на фанерную доску отметок (зарубок), определять длину и ширину бревна, которое потом сбрасывали в баржу. Работа для меня была легкая и всегда на воздухе. Начальником нашим был Ретюнин, отбывавший десять лет заключения за ограбление банка. Вид у него был свирепый, но хозяин он был очень толковый и распорядительный. Я обратил внимание на одно обстоятельство: все его окружение составляли инженеры-заключенные со статьей К.Р.Т.Д. (контрреволюционная троцкистская деятельность),

В бригаде рубщиков на Усть-Усе был заключенный, бывший министр народного просвещения Белоруссии. Звали его, кажется, Владимир, а фамилию я забыл. Однажды вечером он услышал мой разговор с товарищем о религии. Подойдя к нам, он решил вступить в наш религиозный спор. Когда я его спросил, читал ли он толкование Библии профессора Лопухина или толкование Евангелия Гладкова, он ответил отрицательно. Тогда я сказал ему: «Если вы начитались антирелигиозных брошюр Емельяна Ярославского, то нам с вами не о чем спорить». Он возражать не стал. Будучи министром просвещения Белоруссии, он был обвинен в том, что он - фашист и якобы ожидал прихода немецких войск. Он

так много перенес в тюрьме, где его били и истязали, заставляя часами смотреть в «глазок» в дверях камеры, что в свои сорок лет он стал совершенным инвалидом. Вскоре после нашего с ним разговора он умер. При вскрытии его тела оказалось, что все внутренности у него были отбиты. Он очень хотел жить и узнать настоящую правду, которую при жизни, видимо, так и не нашел. Мне его от души было жаль.

Однажды, сидя на берегу Печоры, мы, новые заключенные, разговорились с одним старым заключенным, евреем, о тяжести лагерной жизни. На это он нам сказал, что самое страшное в лагере - попасть в строгий изолятор. Когда я спросил его, в чем там дело, он ответил: «Вот когда попадешь сам туда, тогда и узнаешь, какие там трудности и беды». Я про себя еще подумал: надо бы и это испытать.

По нашему приходу на Усть-Усе нам объявили, что посылать письма домой мы сможем не раньше, чем через два месяца. Жена шкипера баржи предложила мне написать для моей жены записочку, которую она могла бы послать почтой из Воркуты. Я так и сделал, и это мое письмо жена получила перед самой войной. Благодаря этому она, наконец, узнала, что я жив и здоров. Но в 1943 году два немецких офицера, ночевавшие у хозяина дома, рассказали про восстание заключенных на Усть-Усинском рейде. Немецкие газеты писали, что во время этого восстания там было убито более 3000 заключенных и более 500 вольных. Два года моя жена ничего не слыхала обо мне, но надежды на нашу встречу не теряла, и это очень помогало ей переносить тяготы жизни.

Пришли мы с этапом на Усть-Усы в начале мая, перед самым наводнением, которое здесь бывает во время вскрытия реки Печоры. В бригаде, с которой я пришел сюда, было 30 человек, из них только двое русских - Б.В.Воинов из Таллина и я. Остальные эстонцы.

Через две недели после нашего прихода двое молодых эстонцев вздумали бежать, так как в нашем лагере не было никакого забора и мы ходили вольно, без охраны. Они ушли из лагеря перед самым вскрыти-

ем реки и прошли только около 45 километров, как были настигнуты охраной с собаками. После этого у нас в бараке был обыск, и у Воинова, который спал рядом с беглецами, нашли в мешке такие же консервы, как и у беглецов. Был арестован и Воинов.

Прошло недели две после этого случая. Река Печора вскрылась, и уровень воды поднялся метров на пять, а, может быть, и более. Мы жили тогда на чердаках своих бараков. В один ненастный день, когда дул сильный ветер и шел дождь, к нашему барaku, прямо к чердачному окну, через которое нам подвозили пищу, подплыла лодка с начальником лагеря. Войдя к нам на чердак и расспросив нас о том, как мы живем в новых условиях, он попросил нас, умеющих обращаться с лодкою, заменить лопнувший железный трос на «лесотаске». В числе тех, кто согласился это сделать, был и я, так как я вырос на реке Великой и умел работать как веслами, так и рулем.

Подплывая к «лесотаске», мы увидели странную картину: на плотине длиной метров около ста и шириной чуть более полуметра ходили три человека, без шапок, заложив руки за спину. Подплыв поближе, мы узнали в них своих товарищей - двух бежавших эстонцев и Воинова. Каждый день их выводили «гулять» на эту плотину. Это было до того ужасно и бесчеловечно, что не знаешь, как это и назвать. Лагерь имеет свои неписанные законы, которые очень страшны. Потом всех троих отправили от нас на Воркуту, и только недавно я узнал, что Б.В.Воинов остался жив, вернулся в Таллин, но, говорят, любит выпить.

Однажды, еще до разлива Печоры, нас, человек 10-15 заключенных, привели в «затон». Это место, где зимуют мелкие баржи, а перед самой навигацией их начинают ремонтировать. Затон от нашего лагеря находился на расстоянии 15 километров. В затоне был небольшой завод, который в 12 часов дал гудок на обед. Вскоре в сарайчик, где я работал, пришел наш конвоир и, указав мне на здание, куда шли рабочие, сказал мне, чтобы я шел туда и там пообедал, предупредив при этом, чтобы я не говорил, что я - заключенный. Придя в столовую и

выстояв очередь, я заказал себе по две порции первого, второго и на третье - чай с блинчиками. За столом, к которому я подошел, обедали двое рабочих. Когда я поставил на стол свои блюда, они между собой переглянулись, один что-то сказал другому. Только я закончил суп и принялся за второе, рабочие, тихо сказав мне, чтобы я съел их блюда, встали и быстро ушли. Вот это были русские люди: они во мне узнали заключенного и оторвали от своего обеда, чтобы покормить меня. До самой смерти буду им благодарен за их человеческое отношение к тем, кто был лишен свободы.

А какая красота была работать на Печоре в белые ночи! У нас в лагере кухня и баня работали круглосуточно. Около кухни всегда стояла бочка со свежесоленой треской, которую мы могли брать сколько угодно. Все это, конечно, было до начала войны, а потом пошло совсем по-другому.

Работа на Усть-Усе была легкая и веселая. Продолжалась она до октября 1941 года, а затем я попал на рудник в Большую Инту. В этапе на Инту я встретил своего ученика, Гаврюшу Тулякова, который был осужден на пять лет за поджог своей избы. Тогда же, на этапе, я увидел и одного из трех убийц учительницы М.Е.Мартинсон и ее мужа на их хуторе в 1928 году. Это ужасное убийство было совершено с целью ограбления. Мужа убили гирею в голову, а жена, получив восемь ножевых ран, выползла на улицу и замерзла в полсотне метров от своего дома. Убийц открыли через полгода, и один из них успел убежать в СССР, но его там задержали. Когда его привезли на границу, чтобы выдать эстонским властям, он бросился бежать, но был убит советским офицером. Остальные двое убийц получили по 20 лет каторги, как несовершеннолетние. Все трое были учениками М.Э.Мартинсон.

Прибыв на рудник Инта, мы попали во вторую проходку. Шахта была глубокая, метров 200-300. Первый раз мы спускались в нее по деревянной лестнице. Впереди идущий имел на груди шахтерскую лампочку, все остальные шли без света и держались за перила. Здесь вполне подходило выражение «тьма кромешная». Опустившись в штрек

(пещеру), мы присели у одной из его стенок, но вскоре увидели яркий свет электрического фонаря, и к нам подошел начальник смены, инженер Глущенко. Прежде всего он спросил нас: «Кто боится работать под землей?». Несколько человек встали, и их увели наверх.

На шахте мне понравилось. Там работа шла в три смены: с 7 до 15, с 15 до 23-х и с 23-х до 7 часов. Зимой под землей тепло, а летом - прохладно. Питание лучше всех. Почти полный год мы получали по 1 килограмму хлеба и по 6 булочек в день. Два раза в неделю - мясо и пять раз - рыба. Из 15 котлов-столов, которые были в нашем лагере, три шахтерских котла считались самыми лучшими. Об опасности работы под землей я мало думал, надеясь на волю Всевышнего, и он меня хранил от всяких бед. Основная опасность там заключалась в том, что после взрыва угля в забое приходилось его отрывать, не поставив ради скорости дела крепления-подпорки. Я лично всегда шел в забой после взрыва отрывать уголь.

Однажды, часов в пять утра, перед концом ночной смены, ко мне пришел начальник оперчекистского отдела капитан Баранов и, предложив мне закурить, поинтересовался моей биографией. Я ему все чистосердечно рассказал и в конце добавил: так бы все ничего, но только одного я понять не могу, почему я попал во «враги народа»? Баранов мне пояснил, что моя статья - «СОЭ» (социально-опасный элемент) - к «врагам народа» отношения не имеет. После этого мне стало даже легче дышать, так как ходить с клеймом «враг народа», особенно в войну, было очень тяжело.

Начальник нашего участка, инженер Глущенко, был прекрасный человек, и работать с ним было очень легко. Вначале я был назначен грузчиком угля. Моя работа заключалась в погрузке угля в вагонетку. В первый день работы я наполнил 29 вагонеток, а каждая вагонетка вмещала 750 килограммов угля. Значит, всего я погрузил за день 22 тонны угля. За такую работу я был премирован: во время обеда баянист играл те вещи, которые я просил.

Как-то, придя на ночную смену, инже-

нер Глушенко сказал мне, чтобы я, как грузчик угля, очистил «печку» - так называли небольшое, длиною до 80 метров, углубление в пласте угля. Вот в этой «печке» накопилось много породы -камней, похожих на нашу плиту, которую ломают из земли, всего около двадцати тонн.

Приказ есть приказ. Высота «печки» такая, что нельзя выпрямиться во весь рост, и потому я опустился на колени и стал бросать породу в вагонетку. Я уже тогда болел и не так был силен, но всю «печку» очистил и отправил породу на-гора. После каждой отправленной вагонетки я отпивал несколько глотков воды и ложился, думая, что больше уже не встану. Но проходило 15-20 минут, вагонетка опускалась вниз, и я снова принимался за погрузку угля.

Когда, поднявшись наверх, я сушил мокрую рубаху около печки и отдыхал, ко мне подошел инженер Глушенко и, узнав о том, что «печка» очищена от породы, в первый момент не мог прийти в себя от удивления, а потом признался, что утром он пошутил, когда сказал насчет очистки всей «печки». Поблагодарив меня за работу, он приказал мне два дня отдыхать и обязательно показаться врачу.

За эту работу я опять обедал «с баяном». Об этом, конечно, узнали в больнице. Когда на второй день я пришел на прием к врачу Луцкой, то получил от нее такой нагоняй, что мне стало жарко. Маленькая ростом, толстенькая, как шарик, она бегала передо мною и все время кричала: «Стахановец! Я тебе покажу стахановца!». Она дала мне еще два дня отдыха и взяла с меня слово, что я больше не буду так работать, если не хочу испортить свое сердце.

В шахте груженные углем вагонетки шли по рельсам наверх, и там их принимал откатчик. Всякий раз, когда от меня уходила вагонетка, я клал камень, и потому у меня всегда было точное число отгруженных вагонеток. Однажды, уже в конце смены, инженер Глушенко спросил меня, сколько я отправил вагонеток с углем. Я посчитал свои камешки и назвал их количество. На это Глушенко заметил, что, по мнению откатчика, тот принял от меня на

5-6 вагонеток больше, чем показали мои камешки.

Мои товарищи по бригаде, услышав об этом, очень на меня обиделись, но я все равно считал себя правым. Прошло несколько дней, и вновь инженер задал мне тот же вопрос о количестве отправленных мною вагонеток с углем. Рассказав ему о неудовольствии мною моих товарищей за то, что я не приписываю бригаде лишних 5-6 вагонеток за смену, я попросил его дать мне другую работу. Глушенко отказался выполнить мою просьбу, пояснив мне, что он и сам знает о приписываемых «на-гора» вагонетках, но поскольку он боится, что это все может открыться, ему надо знать точное, а не приблизительное количество угля, которое получается после каждого взрыва в забое.

Вышло так, как и опасался инженер Глушенко. Через некоторое время в Инту приехала группа ревизоров-эмгебистов из Москвы, которая начала проверять нашу выработку в шахте. Но Глушенко спасло то, что был призван в армию и быстро покинул Инту. Года через два прошел слух, что он потерял на фронте ногу. Жаль такого человека, но, видимо, ему лучше было потерять одну ногу, чем потерять голову в лапах МГБ.

Однажды на работу в шахту, которая от нашего барака находилась на расстоянии не более километра, не явился один заключенный по фамилии Анисимов. Это был очень тихий и скромный паренек. Скоро прошел слух, что он арестован и его будут судить за то, что он растратил 6000 рублей, будучи на свободе заведующим магазином. При том он, якобы, имел две жены и пьянствовал. Всего было арестовано 12 человек, включая и лагерного повара. Судил их революционный трибунал, который специально прибыл из Москвы. Судебный процесс передавали по радио. Все двенадцать человек были приговорены к расстрелу.

Весь этот процесс был сфабрикован для того, чтобы поднять дисциплину у заключенных. Позднее очевидцы этой казни передавали, что ни один из осужденных не мог идти самостоятельно, и их вели под руки два человека из тюрьмы до небольшо-

го погреба. В погребе за дверью стоял палач и каждому осужденному стрелял в затылок. Потом я сам жил в той тюрьме, а в погребе была устроена морг-покойническая, которой мне пришлось заведовать несколько месяцев.

В начале июня 1942 года все работы на шахте были приостановлены, и нас направили на постройку участка железной дороги до станции Инта длиной в 12 километров. Наша работа состояла в том, что мы должны были рубить сосны и, взвалив их на плечи, нести к месту, где должна была пройти будущая дорога. Вся беда заключалась в том, что мы ходили по колена, а то и выше, в такой холодной воде, что можно только удивляться, как еще ноги не отказывались служить. Работали мы по 12 часов в сутки, после чего нам давался один час для сушки своей мокрой одежды у костра. У меня, к счастью, была смена одежды и обуви, и я в этом случае оказался в лучшем положении, чем многие другие.

Однажды мы с товарищем сделали норму на 420 %, за что нам полагался обед «с баяном», но вскоре после этого я попал в тяжелое положение. Работая на постройке железной дороги, я натер большой палец на ноге. В шесть часов утра я пошел в больницу. Принимал фельдшер, поляк Сонсонович. Он записал мою фамилию на бумажке и сказал, чтобы я пришел на прием к врачу в десять часов утра. Возвратившись в барак, я лег на нары и уснул. А часа через два меня разбудили, и я предстал перед грозными глазами лагерного оперчеккиста Богуна: «Почему не на работе?!». Я пояснил, что меня освободил фельдшер и записал на прием к врачу на десять часов утра. Однако в книге записей к врачу моей фамилии не оказалось, а вызванный к оперчеккисту Сонсонович сказал, что он меня от работы не освобождал и ни к какому врачу меня не посылал.

Вечером был суд. Судьи были: начальник лагеря, начальник оперчеккистского отдела и комендант лагеря - все офицеры. Под суд попало еще человек двадцать «отказников». Все они получили по 30 суток строгой изоляции с выводом на работу. Я же, как лучший шахтер на руднике, получил 15

суток. Я был арестован босиком, без шапки и телогрейки. Сразу после суда нас всех отправили в строгий изолятор. Я сразу вспомнил того еврея на Усть-Усе, который говорил об ужасном положении заключенных, которые попадают в изолятор.

Строгий изолятор - это большой барак с голыми нарами, окруженный колючей проволокой. Когда привезли из лагеря ужин, оказалось, что взять мне его было нечем и не во что. На мое счастье, повар меня хорошо знал и, выдав мне миску, так меня накормил, что я и в общем лагере так не наедался. Ночью я очень плохо спал из-за холода, а утром, после подъема, мне предложили лыковые лапти. Поскольку боль в ноге у меня не проходила, я отказался от них и сказал, что пойду на работу босиком.

Заключенные из строгого изолятора выходили на работы последними. При нашем проходе по строящейся дороге, все заключенные, которые раньше нас вышли на работу, должны были прекратить работу и отойти на 80 метров от дороги. Товарищи из моей бригады, не зная, куда я исчез, кричали мне издали: «Капитоныч! Как ты попал к этим бандитам?».

Когда мы пришли на место работы, меня заставили сдирать лопатой мох для новой дороги, а подо мхом была еще мерзлая земля, на которой я стоял босиком. Через каждые полчаса работы я подходил к костру и отогревал свои «гусиные лапы». На третий день работы меня встретил политрук лагеря Фадеев и очень удивился, увидав меня среди «бандитов». Я рассказал ему все, как было, и на четвертый день я опять оказался в своей бригаде в большом лагере.

Так сбылась моя «мечта» побывать в строгом изоляторе.

В начале сентября 1942 года мы закончили постройку дороги и снова вернулись на работы в шахты. Как я узнал позднее, на строительстве этой дороги был и мой друг Миша Соколов, с которым мы четыре года просидели за одной партией в Псковской учительской семинарии. Значит, не судьба была нам встретиться.

Среди членов бригады, в которой я работал, я был самый старший по возра-

ту. Мне было уже 45 лет, в то время, как многим моим товарищам не было еще и тридцати. Однажды мы вылезли «на-гора» по окончании смены. Каждому заключенному полагалось 1-2 пачки махорки в сутки, но выдавали не всегда, и в тот день ребятам курить было нечего. Стали они просить меня, как самого пожилого и серьезного в бригаде, чтобы я сходил к начальнику шахты, вольному инженеру Жилину, и попросил на всех табаку. Начальник этот был очень сердитый. Я пошел, сказав про себя так: «Напусти Бог смелости на робкую душу раба Твоего». Прихожу. Жилин спрашивает, чего мне надо. Я прошу у него дать покурить. Он протягивает мне пачку папирос: «Кури». Я папиросы не беру, объясняю, что пришел по поручению бригады, которая очень хочет курить. Инженер Жилин засмеялся и дал мне с собою две пачки махорки.

Вообще я должен сказать правду, которая заключается в том, что, если заключенные сами исполняют приказы начальства, то последние очень редко ущемляют права заключенных. Я, просидев около семи лет в лагерях, могу это утверждать со спокойной совестью.

Зима с 1942 на 1943 год была для меня очень тяжелой, так как я заболел очень странной и опасной болезнью - пеллагрой. Эта болезнь состоит в том, что организм перестает усваивать некоторые продукты, например, макароны, манну, и, потребляя их, можно умереть от истощения, так как эта пища проходит через нас, как вода по водосточной трубе. Болезнь моя стала прогрессировать, и меня перевели работать из шахты наверх. Мой новый начальник, инженер Верецкий, узнав вкратце мою биографию, отправил меня на «копер». Это высокая башня над шахтою, откуда опускаются, подобно лифту, клетки под землю. Моя работа состояла в том, чтобы, услышав звонок из шахты, дать звонок в машинное отделение машинисту, который и поднимал клетку наверх. Работа простая и легкая. Инженер Верецкий, перед тем, как отправить меня одного за работой, предупредил, чтобы я не отходил далеко от клетки,

так как на шахте много троцкистов и они могут устроить аварию, бросив камень вниз. Когда я ему сказал, что я в прошлом - белый офицер, он ответил, что не считает нас внутренними врагами.

В ту зиму произошел со мной такой случай. Однажды во время сильной пурги я пошел в баню. Отдельных шкафов для одежды там не было, а дежурили двое из заключенных. Народу было мало. Заведующий баней разрешил мне помыться, но предупредил, чтобы я не задерживался, так как скоро должно было прийти на помывку начальство. Выйдя из помывочной через полчаса, я, к своему удивлению, своей одежды не нашел. Бушлат, ватные брюки, телогрейка, валенки, гимнастерка, две пары белья, полотенце, шапка - все это исчезло без следа. Причем, вся одежда была новая, недавно полученная. Тогда я лег на скамейку и обратился с горячей молитвою к Господу Богу, прося его помочь мне, грешному, иначе говоря, совершить чудо, которое он неоднократно совершал.

Прошло минут 10-15. Вдруг входит какой-то заключенный и просит у заведующего помыться, но тот отказывает ему, ссылаясь на то, что скоро придет начальство. Выходя из бани, заключенный недовольно бросил: «Вы, наверное, даете мыться только таким, которые воруют у вас бушлаты и валенки». Начальник охраны, услышав это, бросился за ним, узнал, из какого он барака, и через несколько минут я получил всю свою одежду, за исключением одной портянки.

Вот как помогает Господь, если к нему обратиться с горячей и искренней молитвой.

Вскоре меня отправили в больницу, на медицинскую комиссию, которая состояла из двух врачей-эзков: главного врача Федора Петровича Одарича и литовца Антоны Антоновича Савицкого. Когда они осматривали меня, то один из них очень тихо сказал другому: «Ну, этот готов». Повернув голову к ним, я сказал, что нет, я еще не готов и буду жить. Они меня тут же успокоили, что положат меня в больницу и что я, конечно, поправлюсь.

В больнице доктор Савицкий, кото-

рый нас лечил, объяснил мне, что от болезни можно вылечиться только в том случае, если съедать все, что нам дают. Я так и стал поступать и примерно через пять месяцев был выписан в «отдыхающую команду». Очень многие умерли оттого, что они меняли пищу на табак. Отдавали сахар, хлеб, масло, а взамен получали, будь они неладны, несчастные папиросы, которые в лагере стоили очень дорого - 10 рублей одна папироса. Тогда я убедился в страшном вреде табака, унесшего столько здоровых и сильных людей в могилу.

В лагерной больнице, несмотря на тяжелейшее положение государства, нам давали все, что возможно дать в тех условиях. Для лечения пеллагры нужно питаться печенкою, виноградом, горчицей и прочими продуктами, которых, конечно, у нас не было, но врачи старались заменить их другими, более доступными для нас продуктами. И я на всю жизнь остался благодарен доктору Савицкому и его милой, симпатичной медсестре, фамилию которой, я, к глубокому сожалению, забыл.

В «отдыхающей команде», которой заведовал зэк Ухин, человек малограмотный, я был назначен писарем. Там жизнь была очень спокойная, и только спустя несколько месяцев нас стали назначать на разные легкие работы.

Как-то, в 9 часов вечера, меня вызвали в дом, расположенный метрах в 150 от лагеря. Там помещался оперчекистский отдел (МГБ). В большой комнате меня встретил начальник политотдела капитан Баранов, который сказал мне, что моя работа будет заключаться в выписке копий постановлений суда. По всем стенам комнаты были прибиты полки, на которых стояли папки с делами заключенных. Я должен был работать всю ночь до 9 часов утра. Оставив мне сытный ужин и чай и предупредив меня, чтобы я об этой моей работе никому и ничего не говорил, капитан ушел.

Секретного в делах, конечно, ничего не было. Поскольку многие «зэки» подавали на помилования, потому и нужны были копии постановления суда, которые отправлялись в Москву. Однако некоторые

дела мне запомнились. Например, дело главного инженера Кировского (Путиловского) завода Митясова, который был осужден в 1937 году на 25 лет. Через некоторое время, будучи в бане, я услышал его фамилию и подошел к нему. Он рассказал мне о себе.

В 1937 году Митясова вызвали в управление МГБ и предложили представить списки неблагонадежных рабочих и служащих завода, приблизительно 10-12 % от общего количества работающих на нем. Он очень резко отверг это предложение, наговорил эмгешникам дерзостей. Через три дня он был арестован и причислен к друзьям фашистов. Все это ему стоило 25 лет лагерей плюс 5 лет поражения в правах.

Другое дело, которое мне особенно запомнилось, касалось группы москвичек, имевших интересную статью «ЧСИР», что в переводе на русский язык означает «член семьи изменника Родины». Еще раньше я обратил внимание на несколько женщин, резко выделявшихся из общей массы заключенных. Выбрав удобную минуту, я расспросил одну из них и узнал от нее, что ее муж, доцент Московского университета, был арестован в начале «ежовщины» и обвинен в фашизме, хотя, по словам жены, он, кроме своих «букашек, мошек и таракашек», ничем не интересовался. Через два месяца, ночью, арестовали и жену, как пособницу в «преступлениях» своего мужа. Осуждены они были на восемь лет, без права выезда из Коми АССР.

Много было и других подобных дел. Всю ночь, пока я работал над ними, мне казалось, что я сошел с ума или нахожусь на том свете - так мне было невероятно сознавать, что я, белый офицер, сижу в управлении МГБ и пишу копии с постановлений суда.

Одно время, находясь в команде «отдыхающих», я работал санитаром в больнице, где ежедневно умирало от пеллагры по два-три заключенных.

Припоминается мне смерть одного молодого человека по фамилии Тюрин. Имя его я забыл, но в письме от сестры, которое он мне читал, она его называла «Боб-Бобик». Как-то, работая в бараке над списками, я услышал тихие стоны, идущие с вер-

хних нар. Когда я подошел к ним, то оказалось, что это стонал Тюрин. На мой вопрос, что с ним, он пожаловался, что ему тяжело дышать. Я бросился в больницу. Был первый час ночи, на улице мела страшная пурга и буквально валила с ног. Дежурный врач послал медсестру, которая сделала укол Тюрину, и утром его перенесли в больницу. А через двое суток Тюрин скончался от крупозного воспаления легких на моих

руках. Он так хотел жить и очень мечтал о том, что, выйдя из заключения, продолжит учебу в пединституте. И сколько было таких никому не нужных смертей! Страшное было время, и кто виноват во всем этом, наверное, скажет только одна история, но она обязательно скажет. Исполнятся слова великого Пушкина, обращенные к Годунову: «И не уйдешь ты от суда людского, как не уйдешь от Божьего суда!».

1960-е гг.

Записки Сергея Капитоновича Сергеева обрываются на описании работ на воркутинской шахте в 1943 году. К сожалению, мы не знаем, было ли у них продолжение. По рассказам его вдовы, Ирины Альфредовны Отто-Сергеевой, ее муж был освобожден из заключения досрочно, осенью 1947 г., после чего вернулся к семье и долгие годы жил в Таллине. Работая на разных должностях, С.К.Сергеев очень скучал по учительской работе, по занятиям с детьми, но путь в школу для него, бывшего зэка, был заказан. Лишь однажды, благодаря ходатайству его товарища по Печорскому союзу учителей А. Щукина, работавшего в одном из отделов народного образования, Сергееву удалось устроиться библиотекарем в 25 Таллинскую среднюю школу. Но уже через несколько дней директор школы, отведя взгляд в сторону, предложил ему забрать документы обратно.

Живя в Таллине, С.К.Сергеев изредка навещал Печорский край, неоднократно приезжал в Пярну к протоиерею Константину Шаховскому, который до войны служил в Георгиевской церкви в Сенно, где в то время учительствовал и Сергеев. К сожалению, не сохранилось свидетельств, бывал ли он после лагеря в Островском районе, в своей родной деревне Гнилки. Кто знает, может быть, там, на берегах Великой, еще остались родовые корни этого замечательного русского человека.

**«Медовый месяц»
С.К. Сергеев и И.А. Отто на
балтийском взморье в Гунгербурге
(Нарва-Йыесу), август 1934 г.**

**Коллектив учителей и учащихся Сеннской школы, 1936 г.
(сидит крайний слева - С.К. Сергеев).**

С.К. Сергеев и И.А. Отто-Сергеева 1970-е годы.